

Светлана ГУЖЕВА, член Российского Союза профессиональных литераторов, р.п. Старая Майна.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

Воспоминания дочери писателя Александра Кузнецова

*Есть в арсенале наших слов
одно из лучших – ВЕТЕРАНЫ.
В нем ВЕТЕР фронтовых годов
и боль святой отцовской РАНЫ...*

(С.Гужева)

Отец родился 29 августа в 1907 году в селе Чириково Кузоватовского района Ульяновской области. Мне было 17 лет, когда я волей случая оказалась в родовом селе отца. Весь «порядок», так называли коренные сельчане свою улицу, был еще заселен Кузнецовыми. «Ты чья?», – спросила женщина, пораженная моим ранним явлением на краю села (было где-то пять часов утра). «Я – Кузнецова Света», – отвечала я, устало оглядывая превосходные окрестности Чирикова.

– А как отца-то зовут?

– Александр Родионович.

– Папаня, не внучка ли Сокола залетела к нам? – обратилась с вопросами к подошедшему старику женщина.

Оказалась я доброй посланницей знаменитого на селе рода. Помнил «порядок» деда моего, Родивона по кличке Сокол», и моего отца-партизана, «Саню, который книжки пишет». Я не ожидала, подумать не могла, что так мне обрадуются! Но это уже другая история, в духе юношеского авантюризма...

Сколько помню свое отрочество, отец за пишущей машинкой стучит по буквам, печатает «Макея» (свой роман о партизанах). В 1954 году вышла в свет эта книга о боевой жизни партизанского отряда. Александр Кузнецов принимал непосредственное участие в этих событиях. В лесах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны широко развернулось партизанское движение. Командиром 620 партизанского отряда имени Чапаева был молодой лейтенант, Макей Севастьянович Михолап. Отец рассказывал, как попал в его отряд, вырвавшись из Могилевского концлагеря. В партизаны шел не один. Дорогу в лес ему решились показать семнадцатилетние хлопцы, которые за время пути прониклись уважением к истощенному раненому красноармейцу. В дороге навалились они на полицаев, шнырявших в лесу. «Куда путь держите?» – спросили отца, старшего в группе, воткнув дуло автомата в его живот. Отец содрогнулся, но, не отводя глаз, ответил: «Идем в партизаны». Бесконечными показались секунды, отделявшие жизнь от смерти. Мысль о конце тяжелым обухом отодвинула другая, более страшная – «из-за меня пропадут хлопцы». Но полицаи рассмеялись, похвалили отца. «Герой! И хлопцы твои держались молодцом. Покажем вам дорогу к Макею». Так отец прошел проверку. «Полицаи» оказались переодетыми партизанами, шли по заданию, как намекали, для установления связи со старостой села. А хлопцы, показавшие дорогу, так прониклись желанием бить врага, что до конца войны так и не вернулись в хаты. Воевали.

...В 1940 году отец окончил Московский университет и вместе с семьей выехал на работу в Западную Белоруссию, которая до 1939 года была территорией Польши. В городе Бельске он был назначен директором польской школы. Но через несколько месяцев пришла повестка из военкомата. Призывали на краткосрочные военные учения. Война застала его под Брестом в должности командира роты. В первом же бою за Могилевым на реке Сожь отец был ранен. «Я еще бежал в атаку на ногу, перебитой ниже колена, не чувствуя боли, – рассказывал отец, – и вдруг упал. Увидел, что правая нога лежит на земле перевернутой и как бы отдельно от меня». Истекающего кровью бой-

Партизан, писатель А.Р. Кузнецов. 1946 год

Макей Севастьянович Михолап

ца доставили в медсанбат. Рана оказалась тяжелой.

(Я помню рассказы отца. Мне было 13 лет, когда мы с ним сблизились, и он стал посвящать меня в свой мир.)

– Если бы пуля прошла навывлет! А она застряла, – рассказывал отец о войне, – операцию сделать не успели: немцы подоспели, захватили госпиталь. Поубивали наших врачей, постреляли всех тяжелобольных и тех, кто громко стонал. У меня зубы от боли и гнева стиснуты. А рану еще в поле обработали санитары, перевязали ногу. Отец говорил, поглядывая на коробочку между нами.

В коробочке на вате лежал темный кусок металла – пуля, мучившая его более 10 лет.

– Вот, дочка, избавился наконец. А нога так короче и осталась, хромать папка твой будет. Да костыль, чай, не подведет. Он тяжело поднялся с дивана, улыбаясь, как всегда, виновато, и положил коробочку рядом с боевыми наградами в шкаф.

Передо мной коротко, но четко проплыла картинка из раннего детства. На крыльце деревянного флигеля с длинной, блестящей на солнце бритвой в руке сидит отец, Морщится. По ноге стекает что-то густое вместе с кровью.

– Иди, погуляй, не смотри, – увидев меня, натужно улыбаясь, говорит он, – у папы твоего рана загноилась. Вскрыл.

О страшной войне, отдельных эпизодах из своей жизни отец рассказывал не часто, потому в разные годы слушала я его с большим интересом и вниманием.

– В плену я не по своей воле оказался. Когда кости на ноге чуток срослись, появилась надежда на побег в партизаны. Бежал как? Это, дочка, легко одним словом сказать – «бежал». А на деле так было. Немцы, чтобы горшки выносить по утрам за ранеными да раздавать жидкую похлебку из бульбы или брюквы, оставили при госпитале

двух пожилых белорусок. Одна все приглядывалась ко мне. Раз застала за снятием грязных бинтов на раненой ноге. Немцы не лечили нас. Ни медикаментов, ни перевязочного материала не выдавали. Каждый день из палаты выносились трупы. Чем меньше русских в палате, тем меньше котел для еды. В моей ране завелись опарыши. Я их вытаскивал с омерзением. Не знал тогда, что они меня спасали от гангрены. Женщина шепчет, давай, мол, сынок, помою твои бинты. Я отдал. На закате в октябре все еще светило солнце. Скоро принесла она чистые бинты и засыхающие листья подорожника. Я сделал перевязку, поблагодарил. Она плачет беззвучно и опять шепчет: «Сынок, по-

хож ты на мово старшого хлопца. Я тебя за него выдам. Согласен?». Я кивнул и дня через три переселился в хату к Даньковым. (Немцы охотно отдавали безнадежных калек на жительство селянам). Моя спасительница проживала с мужем и семнадцатилетним сыном. Старшего похоронили давно, а забыть горе не смогло материнское сердце.

Курган Славы. Могилевская область

Какое горе причинит ей мой отец, она не догадывалась. Благодаря драникам и молоку, силы его с каждым днем восстанавливались. С молоком поначалу случился конфуз. Жадно припав к крынке в первый день у Даньковых, он опустошил ее и с нарастающим изумлением и тошнотой вперились глазами в донышко. Там увидел он толстую живую лягушку. Недоразумение разрешила сама хозяйка: «Ай-ай, не предупредила! Лягушку ложим в крынку, сынок, чтобы молоко не скисло. Это уж так заведено испокон веков». Отец быстро сошелся с молодым сыном хозяйки. А та радовалась: добрый брат сыну и, авось, помощник в хозяйстве. «Добрый помощник» тем временем замыслил побег. «Хорошо бы до снега к партизанам добраться, но одному, тропы не зная, не дойти».

К ноющей боли при ходьбе он привык. В одну из суббот готовил баню, колот смолистые поленья. Хлопец таскал из речушки воду. Нельзя было упускать момент, и отец сурово приступил к допросу: знает ли хлопец дорогу к партизанам? Хлопец неопределенно мотнул головой. Опустил глаза. Было понятно, он не доверяет. «Я русский офицер, – немного патетически представился отец, – на печи меня не удержат».

Война докажет, кто на Русь с мечом придет, от меча и погибнет. Веришь в это?». Хлопец мотнул головой утвердительно, сказал, оглядываясь на хату, что в урочища один не поведет, только с другом. Друг Свирид оказался смышленным хлопцем старше своих лет, с пробившейся, но еще прозрачной бородкой. «Я, дядько, сухарей наберу. Дорогу сыщем», – пообещал он с явным воодушевлением. Заговорщики условились встретиться ранним утром следующего дня...

...Маленький белорусский городок Клецк. Мне пять лет. Отец, вернувшись из бобруйских лесов, работает вторым секретарем горкома. Зимой 1945 года на первого секретаря горкома было совершено покушение. Но через окно власовцы застрелят не его, а его жену и новорожденного ребенка, которого она кормила грудью. Весной доберутся и до нашей семьи. Придут грабители вдвоем, выставят нас с братом на улицу и погрузят на телегу весь бедный наш послевоенный скарб, включая белье, пистолет отца и туфли-

А.Р. Кузнецов на вершине Кургана Славы

к койке мучительной болью в позвоночнике, узнав о налете бандитов. Единственно правильное решение созрело: надо возвращаться на родину, в родное Поволжье.

Как-то раз, уже спустя годы, настроившись на поступление в медицинское училище, я спросила, отчето у него открылись боли в позвоночнике.

– Отряд наш партизанский в засаду попал, дочка. Фашисты воспользовались первомайским праздником, мы его и в лесу справляли. Окружили. Пришлось бежать, в болотах спасаться. Залегли в топи пахучего травостоя ничком: фашисты с собаками охотились на людей, спустили ищеек на наших товарищей. Мы, укрывшись водорослями, под торчащими стеблями не распушенной еще таволги слышали их душераздирающие крики... Втискивали себя в студенистое, хлюпающее болото, а дышали через трубочку из бересты. Вот и простудился. Позвоночник и ноги заболели. Думал, не встану. Ты же книжку мою о партизанах читала. Забыла? Не мудрено – заучилась в школах разных.

Отец жалел меня. Поезды с места на место для 14-летней девочки были непонятны. Непонятно было, зачем меня периодически отправляли жить и учиться к старенькой тетке матери, далеко от родителей. Я сменила за время учебы 11 школ. Одного учителя истории помню и почитаю всю жизнь. Он был вхож в нашу семью, горячо спорил с отцом, используя непонятные слова – узурпатор, мистификатор... Я слышала его отрывочные фразы за чаепитием взрослых. «При царе было больше свободы слова... Вы воевали не за его режим... Великие просветители – Чернышевский, Герцен, Писарев сторели бы от стыда...». И однажды, когда затихла моя шумная маленькая сестренка, с которой я была обязана находиться, чтобы не мешать беседе взрослых, я услышала крамолу: «Вы же боитесь его, прячете семью от истукана, страдающего маниакальным синдромом». Кого боится мой отец? От кого прячется? Истина откроется скоро. А пока я ученица 8-го класса. Мой отец преподает военное дело и историю Древнего мира в Белоярской школе Чердаклинского района, там же, где

лодочки матери. Время для грабежа бандиты выберут удачное: отец в больнице, мать ушла его навестить. На столе оставят записку: «Ни бядуду партизан. Не шукай нас. Сами ты сыщем».

«Неужели я выжил, чтобы погибнуть теперь, когда встретился с семьей, что почти чудо? Или чтобы теперь, столько пережив в оккупации, погибли моя жена и дети?». Так думал отец, прикованный в то время

в этот исторически значимый для страны год учусь я...

Наша семья вернулась в Россию в 1946 году. Отца назначили в Куйбышеве на должность директора мужской гимназии. На ремонт учебного учреждения выдали деньги, которыми отец, человек честный и принципиальный, коммунист, не поделился с заведующим районного отделения. Тот использовал «компромат», заключающийся в том, что отец был в фашистском плену. Отец, заполняя анкеты, этого не скрывал. Если кому-то было выгодно подчеркнуть этот факт, он мог бы добиться трагических для отца (и всей семьи) последствий – высылки на Колыму или Северный Урал. Такое было время. До выступления Хрущева на XX съезде КПСС семья наша жила под карающим дамочным мечом. Не раз мы спорили с отцом на жгучую тему роли Сталина вообще и в частности.

Семья вынуждена была переезжать с места на место. Так, из Куйбышева, нынешней Самары, отец увез семью в глухомань, в село Игнатовка Кузоватовского района Ульяновской области, что было в тот временной период и резонно, и осмотрительно. Семь лет скиталась семья защитника Отечества по селам нашей области без достойного угла, а порой и достойной работы. В немыслимых условиях отец корпел над своим любимым детищем. Материал, накопленный в брянских и усакинских лесах Белоруссии, содержал бесценные свидетельства патриотизма людей всех национальностей, их волю к победе над вражеской силой, неистребимую жизнестойкость в тяжелейших условиях, чистоту помыслов и высоту любви к родной земле. Гибель Макея и партизанских друзей «пеплом Клааса стучала в сердце».

Книгой «Макей и его хлопцы» в послевоенные годы зачитывались. Не раз я прибегала домой с радостным рассказом об увиденном: мужчина в трамвае читает... В руках толстая книга в добротном синем переплете, на обложке – крупно с позолотой название «Макей и его хлопцы». Через долгих шестьдесят лет, оказавшись в рабочем поселке Старая Майна, я встретилась с людьми, знавшими лично моего отца, читавшими его стихи и книги, над которыми они пла-

Переправа макеевцев через реку Сушанка. Приток Друть

комнатной «хрущевке» на улице Ватутина проживали две семьи: отец с матерью и молодая семья младшей дочери. Все довольны. У родителей спальня со столом, где размещалась печатная машинка.

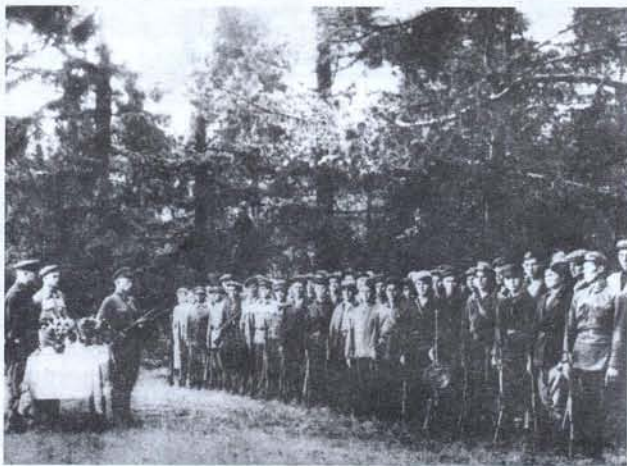
– Ну, а перспектива какова, товарищ Кузнецов, если молодая семья дочери разрастется? Отец, сбитый с толку, честно пытался вернуть разговор о даровитом поэте.

– Молодежь подождет со своею славой в тени таких орденов. (Для приемов у начальства отец надевал ордена).

– Ваш журналистский отчет о поездке в Минск интересен. И тот факт, что в минском музее целый угол отведен памяти партизанского отряда, в котором Вы воевали, о котором написана книга, интересен. Ветерана, инвалида войны, писателя... мы должны, обязаны обеспечить отдельной квартирой. Обязаны, Александр Родионович!

Через месяц отцу выдали ордера для получения двух двухкомнатных квартир в новом доме «на Песках». В нашей семье долго вспоминали, как вернулся

обескураженный, чем-то расстроенный отец с приема у начальника. В 65 лет его снабдили машиной «Москвич». Советская власть гордилась защитниками державы, заботилась о них. Эстафету уважения, неподдельного внимания к нуждам ветеранов подхва-

Отряд Макея. Принятие присяги. 1942 год

тило и нынешнее правительство России.

– Не горячись, дочка! Да, гибли солдаты миллионами на этой войне с именем Сталина, как ты говоришь – узурпатора. И в моей книге это отражено. Но «не ненависть, а любовь к истине руководили моим пером». Это слова, между прочим, нашего земляка, поэта и партизана, Дениса Давыдова.

Отец помолчал немного и продолжил, словно набравшись сил.

– Сталин был символом веры в победу. Ну как у верующих крестик на шее – символ веры. Как верят в Бога? Просто верят без доказательств в его существование. «Для сердца надо верить». Постулаты теоретически выверенными и правильными были в учении Маркса – Ленина. На практике многое искажено... до безобразия. Вождями не была учтена природа человека. Она не только созидательная, но и разрушающая, вот в чем дело... Воевал я, как в песне поется, «за Родину, за Сталина». А пришлось на родине от Сталина скрываться. Парадокс...

Отец не был приспособленцем. Частенько был неудобен своему начальству, забывая, что «критика снизу – это яд. Сверху – вот это лекарство!». Но нарастающий в обществе нигилизм разрушал сложившееся мировоззрение.

Выйдя на пенсию, отец целиком посвятил себя журналистике. Много ездил по стране. Встречался с боевыми друзьями. Повидался и с постаревшей своей спасительницей. Она давно простила его, хоть и ругала когда-то «проклятушим», «бо увел тайком хлопчика воевать против супостата». Начинаящие литераторы тянулись к чуткому, бескорыстному и опытному собрату по перу. Среди них был Николай Благов. В 1955 году в Ульяновском издательстве вышел первый сборник стихов поэта «Ветер встречный», в 1957 году – второй, включивший в себя стихи и поэму «Волга». Отец был их первым редактором. Николай любил отца, часами засиживался в нашем доме, став уже известным, маститым литератором. «Крестному отцу сборника с любовью», «Человеку сабельной чистоты» – неизменно с такими словами «высокого штиля» дарил он свои сборники отцу. Много и плодотворно сотрудничал отец с газетами «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец». В 1976 году в Минске на белорусском языке была издана его книга «Тереспольские ворота», а в 1984-м ее выпустило в свет Саратовское издательство. Оно же в 1980 году опубликовало документальную повесть «Партизанские ночи».

В последний раз я встречалась с отцом зимой 1987 года. Он был нездоров, но бодрился: «не умру,

пока не выйдет в Саратове новый вариант «Макея». За 30 лет после первого издания книги у отца накопился богатейший фотоматериал для иллюстрации партизанского движения и героев его повести. Он много работал над языком, вставлял новые эпизоды, один из которых особенно впечатляет. «Я не мог внести его в книгу, так как, во-первых, не ручался за достоверность, а во-вторых, он был связан с именем Сталина. Но в Гродно я встречался с одним из героев моей книги, Парховченко Иваном Григорьевичем, комиссаром партизанского отряда, и он подтвердил реальность легенды о столе. Даже подарил фотографию стола: «Смотри, дочка, это сам Парховченко, а это – тот самый стол», – с восторженной ноткой говорил отец. «Жаль, не было тогда цветных фотографий. Инкрустирован стол разными породами деревьев. Мастер не один год делал заготовки из пластин темного мореного дуба, смуглой, мягкой древесины сосны, молочного цвета древесины осины. Клеем он не пользовался. Сверлил отверстия и загонял шпобы. Стол предназначался в дар нашему вождю от Белорусского народа. Но началась война, и стол вместе с его мастером, Орловым, попал в руки фашистов. Те потребовали, чтобы мастер срочно переадресовал свой шедевр: приближался юбилей Гитлера, которому исполнялось 50 лет. Мастер прикинулся больным. Ему угрожали расправой. А в это время партизаны готовили операцию «Свадьба» (она описана отцом), в результате которой стол был отбит и вместе с мастером отправлен самолетом в Москву...

Инкрустированный стол мастера Орлова

...Зима в 1987 году стояла холодная. Отец кутался в плед. «Знакомая девчонка моей комсомольской юности улетела с дочерью на юг», – сказал грустно. Я знала, что его «девчонкам» по 70 – 75 лет. Посмеялась немного. «Вслед ей стишок накропал жиденький. Послушай». И он начал протяжно «подвывать», как все поэты:

Я завидую Вам. Вы на юг улетели.

А у нас здесь метели, а у нас здесь метели...

А у нас здесь морозище градусов сорок,

И весна к нам теперь возвратится не скоро.

Дальше не читал, сказал, забыл, а в руке дрожал исписанный листок.

Румяная весна пришла, шумела листьями молодых тополей. Утро вливало прохладу в открытую настежь дверь лоджии. Отец дохромал до стола и вдруг стал медленно сползать со стула, на который присел. «Что это?» – прошептал он, не веря и изумляясь приходу своей смерти. Это было утро 17 мая 1988 года.